

С тех пор как Ань Лин и Ань Жэнь обсудили всё между собой, он сиял и стал гораздо оживленнее. К тому же мать Ань Жэня уже согласилась весной начать обсуждать помолвку, а с приходом зимы семья наняла людей, чтобы починить крышу дома Ань Лина, и накосила дров, заполнив сарай до отказа. В эту зиму в доме больше не дуло со всех сторон, дров горело вволю, и нога отца Ань Лина почти перестала болеть. Всё это радовало и успокаивало Ань Лина, а также заставило семью Ань Сюаня немного изменить своё мнение о супруге Ань Цина — человек был хоть и едким, мелочным и меркантильным, но характер у него на самом деле был неплох.

В хорошем настроении Ань Лин стал чаще бегать в дом Сун Чу и подружился с Цинь Фэном. Ань Лин очень хорошо владел иглой, поэтому каждый раз приходил с заготовками для обуви. Как раз Сун Чу был без дела, и он вместе с таким же бесполезным в шитье Цинь Фэном стал учиться у Ань Лина. Однако оба они в этом деле были одинаково бездарны: Ань Сюань и Ань Жубао уже были бы довольны, если бы те хотя бы не кололи пальцы, не говоря уже о вышивании цветов на ткани. Проучившись несколько дней, Ань Сюань, которому стало невозможно это смотреть, собрал все иголки и нитки в доме, свернул их в узелок и отнес в дом Ань Лина. Из-за этого Ань Лин долго смеялся над Сун Чу.

Не умея шить и не зная, чем заняться, Цинь Фэн вдруг озарило: он решил разобрать два книжных сундука, привезенные при переезде. Когда они только переехали, дел было много, и всё время не доходило до разборки. Теперь он достал оттуда книги, стер с них пыль и перенес в комнату, расставив на полках в алькове. Затем он поставил на кан низкий столик, достал кисть, тушь, бумагу и тушечницу, и, усадив Сун И и Ань Жуюй, которые только и думали о том, как бы убежать поиграть, начал учить их писать. Услышав, что Цинь Фэн будет учить грамоте, Ань Лин тоже добровольно присоединился. Он рассуждал так: даже если учить по одному иероглифу в день, это всё равно лучше, чем быть совершенно неграмотным.

Мать Сун Чу была грамотной, и в детстве, когда была свободна, она иногда учила его, поэтому пока остальные учились или преподавали, он читал книги, стоявшие на полках. Книги, которые привез Цинь Фэн, были очень разными: стихи и песни, исторические каноны, записки путешественников и разные другие сочинения. Сун Чу обычно доставал первую попавшуюся и читал. Однако его познания были ограничены, и большую часть содержания он не понимал. Перед сном он приставал к Ань Жубао с бесконечными вопросами. Ань Жубао тайно радовался, что письменность в этом мире отличается от его знаний только сложностью иероглифов, и воспользовался моментом, чтобы выдвинуть различные неравные условия, целуясь и прижимаясь, и извлек из этого много выгоды. Сун Чу смутно понимал что-то в вопросах близости, а Ань Жубао был его супругом, так что он не имел особых опасений и удовлетворял все необоснованные требования Ань Жубао. Один делал это намеренно, другой относился спокойно, и их чувства прогрессировали с каждым днем, становясь всё глубже.

В этот день после обеда в комнате супругов Ань Сюаня кан был топлен жарко, и все, сосредоточенно занимаясь своими делами, вдруг услышали глухой стук в калитку. Ань Сюань встал, оделся и вышел открывать. Спустя какое-то время он вернулся, а за ним вошел мужчина средних лет.

Все посмотрели и узнали его — это был супруг старосты, Ань Цзюнь. Он был с тревожным лицом, и как только вошел в дом, не успев поздороваться со всеми, сразу же торопливо сказал:

— Я... Я пришел попросить у вас вашу конную повозку, не знаю, удобно ли это.

Цинь Фэн, видя, что он побледнел и на лбу выступил холодный пот, усадил его на кан отдохнуть и сказал:

— Мы редко куда-то выезжаем, так что если вам нужно, пусть сейчас же его отец запряжет и отправит к вам.

Ань Сюань уже переодевался, а Ань Жубао, услышав эти слова, поспешил встать и помочь. Они надели верхнюю одежду и пошли во двор запрягать лошадь.

Увидев это, Ань Цзюнь облегченно выдохнул и поспешил попрощаться. Цинь Фэн удержал его и спросил:

— Брат, вижу, вы очень переживаете, случилось ли что дома?

Услышав этот вопрос, Ань Цзюнь задрожал носом, и вдруг глаза его покраснели:

— Утром у нашего внука немного поднялась температура, но домашние не обратили на это внимания. Кто знал, что к полудню он вдруг начнет гореть, как в огне. Уже прошло почти час, а наша повозка без тента, и мы боимся, что по дороге ребенок простудится, поэтому хотели попросить вашу повозку.

Болезнь ребенка — не мелочь, и Цинь Фэн не стал его задерживать. Ань Цзюнь вытер лицо и быстрыми шагами ушел.

Во дворе Ань Сюань и Ань Жубао уже запрягли повозку, посадили Ань Цзюня и погнали лошадей в сторону дома старосты.

Прибыв к дому старосты, они последовали за Ань Цзюнем в западный флигель, где жили супруги Ань Шоучэн. Двери и окна были закрыты, вся семья с мрачными лицами сидела вокруг ребенка на кане и плакала. Ань Минси сидел на полу, изредка вздыхая.

Ань Жубао подошел, посмотрел и увидел, что у ребенка горят щеки, глаза даже не открыты. Он срочно сказал:

— Все, не плачьте сначала, дайте дорогу, нужно проветрить комнату.

Ань Цзюнь тоже поспешил сказать супругу Ань Личэна, Ли Синю:

— Повозку твой брат Ань Сюань пригнал, ты скорее собери вещи, чтобы быстрее ехать в город.

Ли Синь поспешил прыгнуть с кана и пошел искать для ребенка одежду и одеяло. Остальные тоже засуетились. Ань Жубао снова подошел ближе и тыльной стороной руки коснулся лба ребенка — рука касалась обжигающего горя, не меньше тридцати девяти градусов. Если так будет продолжаться, вдруг это перейдет в воспаление мозга, ребенку будет очень опасно. От деревни Циншань до города обычно на повозке ехали полчаса, то есть час. Сейчас же, в лед и снег, да к вечеру, боялись, что и двух часов не хватит. Даже если доберутся до города, большинство лечебниц, наверное, уже закрыты, а ребенка ждать нельзя. К тому же, при нынешнем положении, неизвестно, сможет ли ребенок продержаться так долго.

Подумав об этом, Ань Жубао взобрался на кан и, откидывая ватное одеяло с ребенка, сказал:

— Ребенок так гореть не может, это не выход. Кто-нибудь принесите немного теплой воды.

В своей прошлой жизни он часто лазил в интернет, поэтому знал некоторые базовые методы физического охлаждения.

Ань Шао как раз собирал для ребенка одеяло, услышав это, он поспешил выйти за водой. Ань

Минси и остальные не понимали, что хочет сделать Ань Жубао, видели только, что он скидывает одеяло и начинает снимать с ребенка ватный халат. Ли Синь первым не выдержал, бросился к Ань Жубао и схватил его за руку:

— Что ты делаешь? Ты хочешь убить моего ребенка?!

Ань Жубао посмотрел на него и тяжелым голосом сказал:

— Если ты сейчас не отпустишь, тогда именно ты его убьешь. Ребенок уже горит какое-то время, если продолжится, даже если вылечат, голова сгорит, сейчас самое главное — сначала снизить температуру!

Ань Минси был еще в здравом уме и понял смысл слов Ань Жубао, поспешно спросил:

— У тебя есть способ снизить температуру?

Ань Жубао кивнул и сказал:

— Можно попробовать сначала.

Пока они говорили, Ань Шао уже принес таз с водой и поставил на кан. Ань Жубао попробовал рукой температуру, еще сойдет. Обернувшись к Ли Синю, он сказал:

— Я сейчас буду снижать ему температуру, если ты не хочешь, чтобы с ребенком случилось несчастье, лучше отпусти руку.

Ли Синь пялился глазами, в глазах были кровавые прожилки, рука сжималась мертвой хваткой, но Ань Минси вместе с Ань Личэном силой разжали его пальцы по одному и оттащили в сторону.

Ли Синь не мог вырваться и разразился сдержанным рыданием, остальные в комнате тоже покраснели глазами. Ань Жубао было не до того, в два счета раздел ребенка догола, велел принести тряпку и начал без конца тереть шею, грудь, подмышки, ладони и стопы ребенка. Когда вода постепенно остыла, Ань Жубао велел подлить горячей воды и продолжил тереть. Так терли целых полчаса, Ань Жубао попробовал рукой лоб ребенка — температура, хотя и была высокой, но уже не была такой обжигающей, как раньше.

У Ань Жубао прибавилось уверенности, на лицах семьи Ань Минси тоже появилась радость. Даже Ли Синь перестал плакать, в глазах сверкнул луч надежды. Ань Жубао, хотя и был весь в поту, но уже знал, что делать, и продолжал тереть тряпкой, при этом сказав Ань Личэну:

— Брат Личэн, сходи наружу, найди немного льда, не слишком много, заверни в тряпку и положите ребенку на лоб. Так тоже можно снизить температуру.

Ань Личэн кивнул и поспешил выбежать, через короткое время принес несколько кусков льда, Ань Цзюнь завернул их в тряпку и аккуратно положил на лоб ребенка.

Ребенок пошевелился, нахмуренные брови постепенно расправились. Проположав со льдом немного, да к тому же Ань Жубао без конца тер его, щеки ребенка тоже постепенно перестали быть такими красными. Прошло еще полчаса, ребенок даже приоткрыл глаза.